

УДК 94 ((47+57)+479.2)-054.7«1817/1917»

Т. Н. Чернова-Дёке

*Международная ассоциация исследователей истории
и культуры российских немцев (г. Берлин, Германия)*

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТНОШЕНИИ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Рассмотрены историко-правовой аспект и основные положения государственной политики в отношении поселений немцев в Закавказье (1817–1917), поддержка правительства и властных структур в становлении и развитии колоний и резкий поворот в годы Первой мировой войны, усилия по реализации «ликвидационных» законов.

Ключевые слова: немцы, Первая мировая война, колонисты, Южный Кавказ, Александр I.

Розглянуто історико-правовий аспект й основні положення державної політики щодо поселень німців у Закавказзі (1817–1917), підтримка уряду і владних структур у становленні та розвитку колоній і різкий поворот у роки Першої світової війни, зусилля з реалізації «ліквідаційних» законів.

Ключові слова: німці, Перша світова війна, колоністи, Південний Кавказ, Олександр I.

Erörtert werden der historisch-rechtliche Aspekt und die Haupttrichtlinien der staatlichen Politik gegenüber den Siedlungen der Deutschen in Transkaukasien (1817–1917), die Fördermaßnahmen der Regierung und der Behörden zur Gründung und Entwicklung der Kolonien sowie die antideutsche Politik während des Ersten Weltkrieges mit den Bemühungen um die Durchsetzung der «Liquidationsgesetze».

Schlagwörter: Deutsche, Erster Weltkrieg, Kolonisten, Süd-Kaukasus, Alexander I.

The historical aspects and the main positions of government policy towards the German Settlements in the South Caucasus (1817–1917), the authorities support in the development of the colonies and a sharp turn out of this policy in period of the First World War, the efforts in implementation of the «liquidation» laws are considered.

Keywords: Germans, First World War, colonists, South Caucasus, Alexander I.

Привлечение широкого круга первоисточников, наряду с научной и справочной литературой, позволяет обратиться ретроспективный

взгляд сквозь столетие (1817–1917), раскрывая историко-правовой аспект и основы государственной политики в отношении поселений немцев в Закавказье.

20 февраля 1818 г. министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде сообщил Главнокомандующему Отдельным Грузинским корпусом и Главноуправляющему Грузией, Кавказской и Астраханской губерниями генералу от инфантерии А. П. Ермолову, что около 500 семей лютеран-сепаратистов, прибывших в Новороссию из Вюртембергского королевства, «изъявили непреоборимое желание и твердое намерение искать постоянного жилища в Грузии» и что император обратил на них свое «благоклонное внимание». На письменное «Прошение», которое доставили депутаты от них в декабре 1817 г. в Москву (во время пребывания там Александра I), он не был готов к решению, поскольку не мог обеспечить им защиту в тех краях. Однако посланцы столь упорно твердили: «Господь с нами и защитит нас», что Александр I удовлетворил просьбу, в частности, относительно свободы вероисповедания. Нессельроде просил Ермолова сообщить о выборе места поселения, об издержках и других мерах, «чтобы устранить сомнения в успехе водворения». Заметим, что в «Прошении» речь шла не только о прибывших швабах, но также о пожелавших вступить в их братство лютеран Аугсбургского исповедания, около 100 семей из Польши, ранее осевших в Одесском округе. «А их место бы заняли те, кои от нас выйдут», говорилось в документе от имени всех отправляющихся в Грузию «старых и новых колонистов», подписавшихся «по смерти оставаться верными подданными и детьми» [1, док. 426]. Действительное число примкнувших остается не уточненным, но факт присоединения «чужих» неоднократно упоминается в научной литературе (*Brandes D., Gross A., Fleischhauer I., Föll R., Leibbrandt G. u др.*). Это видоизменяет легенду прибытия 500 семей «упрямых» швабов и разрушает стереотип о приглашении их императором. Часть изнуренных дорогой эмигрантов, до 300 семей, оставалась на предложенных землях.

Ермолову принадлежит идея основать «за Кавказом» для наставления местных жителей в правильном ведении хозяйства «колонию трудолюбивых немцев, которых бы добрый пример и очевидная от хозяйства польза вселили в них желание обратиться к подражанию». С этой целью он просил министра О. П. Козодавлева (письмо в МВД от 31.12.1816) выписать фамилий 30 «под собственный присмотр». Он заверял, что с весьма малыми издержками казны «заведение сие процветет и принесет величайшую пользу тем, что жители последу-

ют их примеру» [Там же, док. 302]. В отношении к Ермолову 6 марта 1817 г. министр признал «такое благонамерение» для правительства полезным, но напомнил о прекращении с 1810 г. переселения за казенный счет, по причине «чрезмерной дороговизны водворения» колонистов в сравнении с переселением своих крестьян. И все же он старался поспособствовать. По донесению в МВД из Одессы 29 семей из 50, прибывших 31 декабря из Вюртемберга по особому Высочайшему соизволению на счет казны, не намерены были оставаться и просились в Кавказскую губернию. Козодавлев советовал запросить у них отзыв о желании водвориться в Грузии, а также у немцев Шотландской колонии в данной губернии [6, т. XXI № 24131 (Указ от 25.02.1810); 1, док. 422].

17 мая министр сообщил Ермолову, что 31 семья швабов «охотно изъявила желание поселиться в Грузии» и что он немедленно представил дело в Комитет министров. По утвержденному Е.И.В. положению Комитета им были определены «особый чиновник и провожатые до Тифлиса, выделены деньги на путевые издержки, водворение на казенные земли со всеми правами и обязанностями, какие назначены новороссийским колонистам, смотритель и надзор администрации, в лице гражданского губернатора» [1, док. 423]. Так, осенью 1817 г. выходцы из Швайкхайма (округ Вайблинген) при непосредственной помощи правительства основали в 35 верстах к северо-востоку от Тифлиса первую немецкую колонию Мариенфельд.

Теперь речь шла о такой волне эмигрантов, размещение которых вызывало реальные трудности. Подготовка к приему колонистов началась с опозданием. Специфика проявлялась в том, что поиск пригодной казенной земли сопрягался с проблемой охраны поселенцев от набегов горцев. Ермолов предписал руководителю Грузинского гражданского губернатора генералу К. Сталю послать чиновников осмотреть удобные для поселения места, чтобы люди были в безопасности или охраняемы воинской командой. По недостатку больших или смежных участков земли предполагалось разрешить склонять владельцев частных земель к обмену их на казенные. В поисках подходящих земель Ермолов обратился в апреле 1818 г. к Нессельроде с просьбой пока не приступать к переселению колонистов, «ибо если и будут изысканы для них места, то не будет ни малейших обзаведений и в ожидании оных трудно или даже невозможно разместить их по домам жителей». Генерал убеждал, что одновременное поселение 500 семей потребовало бы чрезвычайно больших издержек, и просил «непременно отложить доставление», пока он не изве-

стит, «сколько таковых пригласить в Грузию надобно будет и как их доставлять надлежит» [Там же, док. 427, 428]. Таков лейтмотив дальнейшей переписки с правительственными кругами.

Тем временем перезимовавшие в немецких колониях под Одессой швабы непреклонно стремились в путь и заявили, что трудности не отдалят братство от цели. Как свидетельствует «Всепоподданнейшее объяснение» трех старшин от 11 мая 1818 г. они соглашались на любые земли, уверяли, что обойдутся собственными силами и просили о скорейшем отправлении, ибо «здесь жить праздно» [Там же, док. 431]. МВД торопило администрацию со сведениями о землях для колонистов. Летом депутаты Фрик, Барт и Киндлиб осмотрели предлагаемые земли и дали согласие на семейные наделы в 35 дес., включая плодородные земли, леса и пастбища. Об этом К. Сталь извещал Ермолова. Обеспокоенный нехваткой земли и войск генерал вновь сигнализирует графу А. Аракчееву, докладчику государю по делам Комитета министров, не начинать массовое переселение: «Возможно ли будет правительству спокойно смотреть на их нужды и не помочь...» или при угрозе горцев «благоустройству их заведений, возможно ли будет отказать им защиту оружия». И снова был дан призыв «о мерах к удержанию отправления» [1, док. 434, 436]. Неожиданно 12 августа Ермолов получил сообщение о том, что 2 партии по 50 семей каждая уже достигли Моздока, а всего в пути 10 колонн. Состояние шока генерала можно понять: ибо о движении колонистов его ранее не известили ни из Одессы, ни из Петербурга. Озабоченность ответственного чиновника-управленца «разбилась» о несогласованность действий звеньев одной цепи. «Я осмеливаюсь в сем отправлении находить некоторый беспорядок» писал Ермолов Аракчееву. Он упрекал Козодавлева за то, что его не известили, не остановили переселение, которое, в понимании генерала, было «решено вопреки невозможностей», вопреки мнения императора, признавшего затруднения уважительными (*Александр I видел лишь одно средство к их разрешению: «чтобы сих людей отправлять в Грузию самыми малыми партиями... дабы в течение нынешней осени немного их могло быть отправлено»*). Министр мог принять и другие меры [6, т. XXXV № 27530]). Не желая «без вины нести ответственность», Ермолов просил известить императора о недостатке пособий переселенцам, о трудностях заготовки провианта, об отсутствии разрешения на обмен земель [Там же, док. 441, 442].

Немедленно были по спасению ситуации. Идея о задержании переселенцев на зиму в Кавказской губернии отпала ввиду осознания

еще больших расходов, стресса у остающихся и стеснения местных жителей. Для снабжения людей провиантом в Моздок был направлен генерал-майор И. П. Дельпоцо. Губернатора Кавказской губернии М. Л. Малинского обязали организовать доставку продуктов через горный перевал в Тифлис. Так, около 2 тыс. швабов фактически оказались заложниками бюрократической волокиты и устремлений собственных форштегеров-старшин («все своими силами!»). В мемуарах А. П. Ермолова, проконсула Кавказа и прародителя немецких колоний в Закавказье, есть признание: «Я, желая дать грузинам пример хозяйственного порядка... выписал тридцать семейств колонистов... Министр доставил мне первых ему попавшихся, и я не достиг своей цели. Но такого количества, в каковом прибыли колонисты, я никогда не желал» [3, с. 67–68; 9, с. 13–25]. В этом проявляется двойственность его позиции.

Кавказская администрация стремилась к обмену и закреплению земель под поселения. Губернатор Сталь и депутаты избрали 4 участка до 18 тыс. дес., в том числе в Елисаветпольском уезде. Ермолов запросил МВД о назначении чиновника, который бы занимался делами колонистов, о выделении необходимых средств, в частности, для пропитания: «Мне совершенно неизвестно, на каких условиях вызваны сии колонны в Грузию и какое пособие казною им доставлено, а потому и не могу судить об издержках, для водворения их нужных» [1, док. 443, 448]. Наконец, благодаря настойчивости Ермолова, 31 августа 1818 г. дело в Комитет министров (мнение было утверждено 7 сентября).

По вполне понятным причинам Южный Кавказ не стал объектом им миграционной политики, не был в планах немецкой колонизации. Начиная со времени воссоединения с империей Восточной Грузии (Картли-Кахетии) в 1801 г., в противоборстве с Персией (Ираном) и Оттоманской Портой (Турцией) шел процесс дальнейшей экспансии территории. Так, в 1804 г. пала Гянджа; по Бухарестскому мирному договору (1812 г.) Порта признала присоединение к империи Западной Грузии и протекторат над Абхазией; по договору в Гюлистане с Персией (1813 г.) в российское владение отходили Дагестан, Дербентское, Карабагское, Ширванское и Бакинское ханства. Перманентные войны, волнения в местных княжествах, дефицит казенных земель, удаленность региона делали его уязвимым и малодоступным для иностранных поселений. Для укрепления своей социальной базы сюда постепенно переселяли русских сектантов, позже – крестьян. Появление здесь немецких колонистов далеко не «ре-

зультат действия геополитического фактора». Они шли на свой страх и риск, гонимые нуждой, преследуемые за разногласия с Церковью, ведомые религиозным фанатизмом, стремлением встречать на Востоке в 1836 г. второе пришествие Христа и его тысячелетнее Царство (хилиасты). Но поскольку продвижение из Одессы и обустройство швабов проходило при поддержке российских властей, это переселение следует рассматривать в контексте имперской переселенческой политики.

Александр Гутвердил новые правила для принятия и водворения иностранных колонистов – Манифест от 20 февраля 1804 г. В отличие от Екатерининского Манифеста 1763 г. для него характерны такие рестриктивные черты, как введение имущественного ценза и ограничительной годовой квоты до 200 семей. Ставка делалась на зажиточных семейных хозяев. Требовалось обязательное предварительное определение места их поселения. Но наделение бесплатно землей по 60 дес. на семью, свобода от податей и повинностей, в частности на вечное освобождение от воинской повинности, выделение ссуды оставались влекущими факторами [6, т. XXVIII № 21163]. В период наполеоновских войн колонизация становилась непопозволительно дорогой, что привело к отказу от выдачи казенных ссуд. К тому же лимит земель для колонизации в Новороссии оказался исчерпан. Решениями Комитета министров осенью 1819 г. пресекалась дальнейшая массовая иммиграция иностранцев [Там же, т. XXVI № 27916, № 27954].

Переселение швабов на Южный Кавказ завершилось к концу ноября 1818 г., когда в Тифлис прибыло около 500 семей вместе с присоединившимися под Одессой. МВД предписывало Ермолову селить колонистов на общих основаниях, т.е. по новым правилам, как в Новороссии. Юридической основой их водворения послужило положение Комитета министров от 7 сентября 1818 г. «*О поселении Виртембергцев в Грузии*» [Там же, т. XXXV № 27530]. Правительство дало, наконец, разрешение на обмен частных и казенных земель и закрепило отвод участков по 35 (а не 60) дес. на семейство с правом пользования пастбищами и лесами. Из бюджета Верховного Грузинского правительства в распоряжение Ермолова отпускалось 100 тыс. руб. ассигнациями в счет 1818–1819 гг. Для соблюдения порядка и верной отчетности казенных сумм при водворении колонистов, для управления ими под главным надзором Ермолова учреждалась Контора (по образцу трех новороссийских контор). В мае 1919 г. был издан Сенатский указ о штате Конторы, в который входили два депу-

тата от колоний, лекарь, переводчик и назначаемый ею смотритель колоний [6, т. XXXVI № 27822]. Выдача ссуд и производство колонистских дел начались с ноября 1818 г. Милосердие императора проявилось в выделении швабам «вспоможения» и назначении возврата ссуды «во уважение крайней их бедности и претерпенного изнурения... в срок дальнейший, нежели вообще для колонистов определено» [1, док. 456].

Для расселения прибывших выделили земли в двух уездах. В Тифлисском уезде было обустроено 5 колоний. Около 60 семей ремесленников поселились в пригороде – колонии Ней-Тифлис. Остальные создали колонии в радиусе до 65 верст вокруг Тифлиса: к северу – Александерсдорф (по данным архива – 35 семей); рядом с Мариенфельдом – Петерсдорфом (17 семей); юго-западнее – Елисаветталь (65 семей); к югу (у сел. Борчалю) – Екатериненфельд. Первоначально 135 семей получили земли вблизи Елисаветполя (б. Гянджа). Но ввиду «гнилого» климата и малярии, потеряв часть населения, жители переселились летом на новый участок к реке Мушавер. Позже Екатериненфельд стал центром «грузинских» колоний.

Второй ареал поселений в Елисаветпольском уезде оказался де факто на территории Северного Азербайджана, среди мусульманского населения (Гянджинское ханство было присоединено в 1804 г.). Прибывшие последними колонны были отправлены с охраной на ранее осмотренные делегатами земли и расселены в трех колониях. После переселения Екатериненфельда остались: Еленендорф (сегодня Гей Гель) – 127 семей и Анненфельд (сегодня Шамкир) – 84 семьи. Им было выделено около 6 тыс. дес. казенных земель, а всего в обоих уездах – до 20 900 дес. В 8 колониях поселилось более 2 тыс. человек, включая семьи первопроходцев [4, ф. 227, лл. 10–15]. Весной 1819 г. началось освоение земель, строительство жилья, становление колоний.

Итак, водворение немецких переселенцев «за Кавказом» изначально было делом государственным, несмотря на некоторую несогласованность действий центральных и местных властных структур. Ввиду сложности адаптации к здешним природным условиям и незаинтересованности части сектантов (устремление их в Иерусалим) процесс затянулся до 1822 г. В отступление от закона 1810 г. колонистам была оказана полная правительственная поддержка, что дорого обошлось казне. Уже при отправлении из Одессы они получили по 500 руб. ассигнациями на семью для покупки фуры и пары лошадей, на пропитание и фураж. Немало усилий для обустройства

колонистов приложил Ермолов, по мнению которого: «Сего требует и честь правительства, под покровительство которого они прибегают». В феврале 1819 г. он ходатайствовал перед МВД о выделении 300 тыс. руб. ассигнациями – единовременно на нужды колонистов и 2350 руб. серебром ежегодно – на содержание Конторы. Он признавал, что «с прискорбием» запрашивает от казны суммы столь значительные и только потому, «чтобы не могли колонисты сказать, что правительство, к великодушию которого они прибегли, отказало им в самых необходимых пособиях». Впрочем, издержки эти он считал не иначе «как штрафом, который платит правительство за неосмотрительность того, кому поручено было вызывать сих колонистов...» [1, док. 450, 460]. Затраты на обустройство одной семьи оказались выше предусмотренных 300 руб. ассигнациями для Новороссийского края. Каждая семья получала по прибытии по 125 руб. на постройку дома, 105 руб. на посев, 70 руб. на сельскохозяйственные орудия, 100 руб. на приобретение скота, итого – 400 руб. ассигнациями. Предусматривалась выдача в течение года так называемых кормовых денег по 10 коп. медью в сутки на душу. Всего было затрачено свыше 1,1 млн руб., а с учетом дополнительных издержек серебром на контору, переселения, строительство церквей, мельниц и т. д. – «много более» [Там же, док. 469, 470; 4, ф. 2, л. 48].

Так, верховной властью была возобновлена практика дарований привилегий колонистам за государственный счет. Возникновение немецких закавказских колоний явилось продолжением екатерининской политики в духе, но в новых условиях.

Особенно наглядна помощь правительства трем колониям, потерпевшим в результате русско-персидской войны – почти 3/5 всех семей колонистов. Внезапный набег персов на Екатериненфельд 14 (26) августа 1826 г. привел к полному ее разорению, потере скота, урожая и жертвам – 29 убитых, 142 угнанных в плен. Нападение вынудило население к бегству в колонии Александерсдорф и Тифлисскую. Жители серьезно пострадавших Еленендорфа и Анненфельда также покинули дома. Ермолов направил запрос в МВД о выделении средств на пропитание для возвращавшихся колонистов. Администрацию края поддержал министр внутренних дел В. С. Ланской, представив в Комитет министров сведения о потерях. Решением от 28 декабря правительство утвердило «на прокормление» 17 тыс. руб., которые Министерство финансов немедленно направило в Тифлис. С февраля 1827 г. началась выплата «кормовых» помесечно. Администрация запросила также пособие для становления колоний: для

Екатериенфельда (вернулись 85 семей) – 14620 руб. серебром и для Еленендорфа (127 семей) – 21844 руб. серебром (по 172 руб. на семью). Для Анненфельда по 132 руб. (66 семей) – всего 8712 руб. Ермолов просил «о милости» признать пособия безвозвратными. По ведомости о деньгах, «ассигнованных на кормовое довольствие и хозяйственное обзаведение», названным трем колониям было выделено свыше 45 тыс. руб. серебром [4, ф. 2, лл. 49–50; 1, док. 478, 181], что в ассигнациях было бы почти в 4 раза выше. Правда, запрос о списании долга этим и части долга другим колониям (за их «помощь и сострадание») был отклонен. С целью поиска средств для улучшения положения колонистов в мае 1827 г. был создан Особый комитет под руководством Тифлисского военного губернатора Н. М. Сипягина. На его заседаниях обсуждались нужды колоний и сроки выплаты ими казенного долга [1, док. 182, 183].

Участие в судьбе немецких поселенцев четко проявилось в фискальной политике. Мнения чиновников в отношении колонистов были разные. Так, сменивший Сипягина генерал Стрекалов отмечал в рапорте от 8 мая 1830 г. «сколь велика была заботливость правительства... пособить щедрою рукою переселенцам» и «сколь несоразмерна» с ней благодарность колонистов, которые «с недолжным усердием старались о благе, в ожидании новых милостей». Контору обязали объявить колонистам, что впредь им «следовало бы удвоить прилежание» и что «щедроты правительства должны иметь свои границы». Главноуправляющий Грузией граф И. Ф. Паскевич, напротив, в послании в МВД от 29.01.1831 подчеркивал объективные трудности в развитии колоний и убеждал, что «снисхождение правительства для них необходимо» [Там же, док. 188]. И власть нашла возможным снять часть долга. Так, Государственный Совет согласился простить половину долга отдельным группам колонистов в претерпевших бедствия колониях. В июле 1831 г. последовало Высочайшее повеление о списании 203557 руб. – почти четверти казенного долга к тому времени. Оставшуюся сумму 712182 руб. ассигнациями следовало уплатить в рассрочку в течение 20 лет. Одновременно был решен вопрос о введении с 1832 г. податей и повинностей в связи с истечением льготных лет. Пострадавшим в войне трем колониям эти платежи откладывались на три года [4, ф. 2, л. 158, 159; 1, док. 188, 191].

Так, на этапе водворения и обустройства, закладки виноградников и налаживания натурального хозяйства, психологической адаптации переселенцев в чуждой этноконфессиональной среде заботой прави-

тельства и местных властей был заложен прочный фундамент будущего процветания закавказских колоний. Как свидетельствуют факты, правительство шло навстречу, стимулируя благоприятные для экономического развития условия. Однако налоговое бремя наряду с выплатой долга тормозили экономический прорыв. Ввиду всех трудностей вопрос о сумме долга и сроках его выплаты был пересмотрен особой комиссией. Остаточный долг в 624209 руб. асс. был подразделен на безвозвратный – 411951 руб. и возвратный – 212258 руб. [Там же, ф. 239, лл. 30, 37; ф. 226, л. 43-об.]. Выплатить следовало ссуды, выдававшиеся взаимобразно на обустройство. Первый взнос – с 1851 г. В основном колонисты смогли полностью рассчитаться с долгом к 1870 г. Но отдельные колонии, получившие ссуды позже, и вернули их позже. Так, высокогорная дочерняя колония Александерсгильф, получившая в 1864 г. солидное пособие для организации общественной сыроварни, – только в 1877 г. С уплатой долга колонистов уравнили в податном отношении с казенными крестьянами.

Политика правительства, направленная на интеграцию Южного Кавказа посредством экономического освоения, открывала колониям и дочерним поселениям дополнительные перспективы. Их хозяйственному подъему в «эпоху великих реформ» способствовали окончание войн и «замирение Кавказа», строительство железнодорожных путей и дорог, выход на общероссийский рынок, более позднее, чем в империи, введение воинской повинности (что сохраняло в хозяйстве рабочую силу), сохранение самоуправления колоний до 1903 г. Но, на наш взгляд, лишь симбиоз трудолюбия швабов и правительственных инвестиций и послаблений (льготы, списание части долга и др.) смог привести к тому, что немецкие поселения стали важным экономическим фактором для Закавказья и империи, особенно в секторе виноделия и винной торговли. Их доля соответственно составила 8,56 % производства вина и 4 % всероссийской торговли вином (даже на экспорт [8, с. 75–76].

Картина полностью изменилась в годы Первой мировой войны, годы суровых испытаний для русскоподданных немцев [7, с. 305–316; 8, с. 129–140]. Концепция ослабления «внутреннего врага» нашла воплощение как в государственной политике, так и в деятельности администрации Кавказского наместничества (1905–1917). Наглядным последствием разнузданной антинемецкой кампании в 1915 г. стала замена немецких названий поселений на русские по распоряжению наместника графа И. И. Воронцова-Дашкова (на основе циркуляров МВД). С карты Кавказа была фактически стерта не-

мецкая топонимика почти столетней давности. Администрация края активно включилась в работу по реализации постановления Совета министров от 2 февраля 1915 г. – о прекращении землевладения и землепользования германских выходцев в пределах приграничной 100-верстной полосы, в частности по побережью Черного моря и «по всей государственной границе в Закавказье» до Каспийского моря. Закон от 13 декабря – о некоторых изменениях и дополнениях к названному выше – расширял радиус его действия «во всех местностях Кавказского края» [5, с. 571, 578]. Эти «ликвидационные законы» реально ставили под угрозу надельные и вненадельные частные земли мирских обществ и товариществ колонистов на Южном Кавказе.

Координация действий по организации с 1916 г. добровольно и принудительного (торги) отчуждения немецкого недвижимого имущества в Кавказском крае¹ шла через МВД, наместника Кавказского великого князя Николая Николаевича (младшего) и его Канцелярию, бакинского вице-губернатора А. А. Макарова, назначенного в статусе «Наблюдающего» для «ближайшего руководства делом ликвидации иностранного землевладения, с периодическими выездами и отчетами» [4, ф. 224, л. 2]. К выполнению задачи были привлечены Штаб Главнокомандующего Кавказской армией, Главное управление землеустройства и земледелия, управления Земледелия и Государственных имуществ, правления Тифлисской и Елисаветпольской губерний, уездные начальники, полиция, нотариусы и др. Первые списки немцев-землевладельцев были опубликованы в газете «Кавказ» от 24 марта 1916 г. за № 68 (список 44 владельцев) и в «Елисаветпольских Губернских Ведомостях» от 26 февраля, № 17. В Тифлисской губернии (без учета земель прусско подданных баронов Кученбах) к отчуждению намечалось свыше 27363 дес. земель бывших колонистов [4, ф. 224, л. 34–35]. Немцы пытались найти справедливость. От имени жителей села Еленино (бывшая колония Еленендорф) в Правительствующий Сенат по первому Департаменту была направлена «Жалоба» от 12.03.1916. В ней отмечалось, что включение в списки имущества селян «лишено законного основания и потому подлежит отмене». Немыслимо было, «чтобы правитель-

¹ Кавказский край, наместничество, включал в себя все губернии и области Закавказья, Черноморскую губернию, Кубанскую и Терскую области Северного Кавказа. (Ставропольская губерния изъята из края мнением Государственного Совета от 10.05.1899).

ство желало наказать верноподданных... лишая их результата трудов четырех поколений, без всякой вины с их стороны»[2, ф. 508, л. 43].

С целью пополнения списков, 11 мая последовало обязательное для всего края постановление Главного начальника Кавказского военного округа генерал-лейтенанта Вольского. Подпадающие под действие законов, но не внесенные в списки, обязаны были в двухнедельный срок представить полицейским властям сведения об имуществе. Иначе за неисполнение распоряжения виновным грозил штраф в 3000 руб. или до трех месяцев тюрьмы. Ответственными за взыскания считались губернаторы [4, ф. 224, л. 65]. Важным сегментом в деле реализации «ликвидационных» законов был Закавказский филиал Крестьянского Поземельного банка (г. Тифлис). Последующие Высочайше утвержденные решения Совета министров лета 1916 г. требовали новых усилий от местной администрации. В циркуляре от 28 ноября 1916 г., практически местной инструкции к действиям, помощник по гражданской части наместника князь В. Орлов нацеливал заблаговременно готовиться к проведению торгов при губернских правлениях «без малейшего промедления». Он высказал уверенность, что в осознании «государственной важности своевременной ликвидации немецкого землевладения все подлежащие правительственные учреждения и должностные лица несомненно объединятся в дружной совместной работе... и общими силами успешно без промедления выполнят возложенную на них государственную задачу ликвидации немецкого землевладения в Кавказском крае» [Там же, ф. 224, л. 142]. Акт ликвидации коснулся имущества подданных враждующих государств. Работа по подготовке к публичным торгам набирала обороты. Однако этим торгам не суждено было состояться. Февральские социальные потрясения 1917 г., крушение самодержавия и империи затормозили движение к поставленной цели. 11 марта Временное правительство во главе с князем Г. Е. Львовым решило остановить исполнение ликвидационных узаконений до пересмотра их Учредительным собранием[5, с. 628–630]. 7 марта 1917 г. наместник Кавказский Н. Н. Романов был вызван в Ставку и, как оказалось, навсегда покинул Тифлис.

Таким образом, доброжелательное отношение к немецким колонистам правительства и администрации Кавказского края в довоенное время резко меняет вектор в годы Первой мировой войны. Вместо признания, поддержки и заботы на первый план выступили подозрение и недоверие «к врагу», удивительное рвение к исполнению «задачи государственной важности»— лишению семей верноподдан-

ных самих основ существования. Но судьба хранила более 12 тыс. потомков колонистов. Провозглашение в конце мая 1918 г. независимых Грузинской и Азербайджанской демократических республик открывало новую главу в истории немецких поселений на Южном Кавказе.

Библиографические ссылки

1. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией [Текст] // Архив Главного управления наместника Кавказского. Т. VI. – Ч. I – Тифлис, 1874. – Док. 302, 422, 423, 426, 427, 428, 431, 434, 436, 441, 442, 443, 448, 450, 456, 460, 469, 470, 478. Т. VII – Тифлис, 1878. – Док. 181, 182, 183, 188, 191.

2. Государственный Исторический Архив Азербайджанской республики [Текст]. – Ф. 508, оп. 1, д. 362, лл. 43–45.

3. Записки Алексея Петровича Ермолова [Текст]. С прилож. Изд. А. П. Ермолова. Часть II (1816–1827). – М., 1868.

4. Национальный Архив Грузии. Центральный Исторический архив [Текст]. – Ф. 2, оп. 1, д. 2071, лл. 48, 49–50, 158–159; Ф. 224, оп. 1, д. 1, лл. 2, 65, 142; д. 2, оп. 1, лл. 34–35; Ф. 226, оп. 1, д. 48, л. 43 об.; Ф. 227, оп. 1, д. 27, лл. 10–15; Ф. 239, оп. 1, д. 50, лл. 30, 37.

5. Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917 [Текст] / сост. В. Ф. Дизендорф. – М.: МФД: Материк, 2006. – 780 с.

6. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. – Собр. I. – СПб., 1830. – Т. XXVIII. – № 21163; Т. XXXI – № 24131; Т. XXXV. – № 27530; Т. XXXVI. – № 27822, 27916 и 27954.

7. **Чернова-Дёке, Т. Н.** Кавказский фронт Российской империи: к вопросу о реализации законов по ликвидации недвижимого имущества немецких поселенцев (1916–1917) [Текст] / Т. Н. Чернова-Дёке // *Вопр. герман. истории: сб. науч. тр. / отв. ред. С.И. Бобылева.* – Д., 2014. – С. 305–316.

8. **Чернова-Дёке, Т. Н.** Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917). К 190-летию основания немецких колоний: [монография] [Текст] / Т. Н. Чернова-Дёке. – М.: ААО «МСНК», 2008. – 180 с.

9. **Чернова-Дёке, Т. Н.** Позиция и роль А. П. Ермолова в становлении немецких колоний в Закавказье [Текст] / Т. Н. Чернова-Дёке // *Отеч. история.* – 2008. – № 1. – С. 13–25.

Надійшла до редколегії 21.03.2016